

СУДЬБА ЛУЧШАГО ЧЕЛОВѢКА.

Продолженіе романа „Евгеній Онѣгинъ“

Разсказъ въ стихахъ

приписываемый

А. С. ПУШКИНУ.

Ссбщилъ А. Аляхидэ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Мучника, Литейная, 32.

СУДЬБА ЛУЧШАГО ЧЕЛОВѢКА.

Продолженіе романа „Евгеній Онѣгинъ“

Р а з с к а з ъ в ъ с т и х а х ъ

П Р И П И С Ы В А Е М Ы Й

А. С. ПУШКИНУ.

Сообщилъ А. Аляхидэ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Мучника, Литейная, 32.

СУДЬБА ЛУЧШАГО ЧЕЛОВѢКА.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

У меня была тетушка, родная сестра моей матери, прожившая на бѣломъ свѣтѣ около 90 лѣтъ и не знавшая замужества: такъ и умерла дѣвицею, „на полной своей волѣ“, какъ она любила выражаться. Жила она, почти безвыѣздно, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ одной изъ малороссійскихъ губерній, жила тихо, уединенно, мало съ кѣмъ знакомясь, занималась хозяйствомъ и... любила литературу! Не правда-ли, рѣдкая черта въ характерѣ нашихъ помѣщиковъ, въ особенности „добраго стараго времени“?.. Что общаго между вѣчными сношеніями съ крестьянами, съ арендаторами земли, съ дворовыми людьми съ одной стороны — и, съ другой, чтеніемъ

печатной и рукописной бумаги, украшенной, напимѣръ, стихами?.. Тетушка-же именно любила *стихи*: она если не *всего* Пушкина, то ужъ, навѣрно, всё его лирическія стихотворенія знала наизусть, многія изъ нихъ, особенно предпочитаемыя, просила добрыхъ знакомыхъ списывать для нея въ тетрадки, и любила также стихи Лермонтова. Вообще этихъ двухъ поэтовъ нашихъ она очень уважала.

Я близокъ былъ къ ней въ дѣтскіе мои годы, когда мнѣ было 7, 8, 9 лѣтъ: тогда я, въ лѣтнее время, гостилъ обыкновенно съ матерью въ ея имѣніи, но когда мнѣ исполнилось 10 лѣтъ, меня отвезли учиться далеко, — въ одинъ гимназическій городъ, и съ тѣхъ поръ я сталъ рѣдко посѣщать тетушку: обстоятельства такъ сложились, что во все остальное время я ее видѣлъ не болѣе трехъ разъ, и притомъ каждый разъ на самый непродолжительный срокъ, какъ-бы урывками... Наконецъ, годъ тому назадъ, меня вдругъ извѣстили, что она

умерла, завѣщавъ мнѣ нѣкоторую долю изъ своего имущества; въ числѣ этого имущества оказались всѣ ея тетрадки со стихами, давно уже находящимися въ печати (въ полныхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина и Лермонтова), и одна рукопись, которую я нигдѣ въ печати не встрѣчалъ... Она-то вотъ именно и предлагается теперь вниманію читающей публики...

Рукопись носитъ заглавіе „*Судьба лучшаго человѣка*“ и писана, какъ и всѣ другія рукописи тетушки, почеркомъ того времени и съ неизбѣжными орфографическими ошибками; бумага желтоватая, испещренная мелкими клѣтками, въ форматѣ листа большой почтовой бумаги; этимъ послѣднимъ она рѣзко отличается отъ прочихъ тетрадокъ, имѣющихъ небольшіе размѣры, удобные для прятанія въ карманъ. Но что-же это за „*Судьба лучшаго человѣка*“?.. Я внимательно прочелъ рукопись и увидѣлъ, что это стихотворный рассказъ о Евгеніи Онѣгинѣ, изображающій его *пос-*

лѣднiя похожденiя; такимъ образомъ передъ читателями—окончанiе знаменитаго романа Пушкина! Не будемъ, разумѣется, пересказывать содержанiе этого разсказа,—онъ передъ глазами читателей,—выскажемъ только наши соображенiя о томъ, насколько есть вѣроятiя допускать или не допускать, что это окончанiе романа принадлежитъ самому Пушкину.

Стихи, большею частью, напоминаютъ, дѣйствительно, Пушкина — своей легкостью и безукоризненными приемами; приведемъ, на удачу, какiе-нибудь, ну вотъ хоть эти:

„Ужь если въ *ночь* скакать вамъ нужно,
Да *лѣсомъ*, да въ *странь глухой*,
Ужь если очень недосужно
Терять вамъ время на покой
(Что было-бъ лучше, всякiй скажетъ),
По крайней мѣрѣ—пусть подвяжетъ
У колокольчика языкъ
Вашъ флегматическiй ящикъ...
Онѣгинъ, бѣдный мой прiятель,
Не позаботился о томъ;
Другому же кому о немъ
Была забота, да и кстати-ль?
Заботъся каждый о себѣ,
Пекись о собственной судьбѣ!“

Или вотъ эти:

„Онягиня встрѣченъ былъ хозяйкой
И съ ней какимъ-то старичкомъ,
Въ тулупчикѣ, покрытомъ байкой,
Въ очкахъ и съ жидкимъ хохолкомъ.
„Ага! Пріѣхали! Спасибо!
У насъ къ обѣду будетъ рыба:
Она начало и конецъ
Обѣдовъ нашихъ! Мой отецъ,
Рекомендую вамъ! Онъ славный,
Добрпорядочный старикъ;
Терпѣть не можетъ только книгъ
И слышитъ очень неисправно.“
Отвѣсивъ батюшкѣ поклонъ,
Садится возлѣ дочки онъ.“

Есть и не совсѣмъ легкіе стихи, тяжеловатые, — хотя-бы вотъ эти, которыми начинается самый разсказъ:

„Ужель опять беру я въ руки
Перо, дабы изобразить
Всѣ тѣ надежды, думы, муки,
Все то, чѣмъ вынужденъ былъ жить
Пріятель давній мой, Евгений
Онягиня, послѣ треволненій:
Сразивъ пріятеля въ бою
И не насытивъ страсть свою?“

Думается, что если-бы это писалъ именно Пушкинъ, онъ-бы не допустилъ такой неловкости, вслѣдствіе которой одна мысль растянута на два четверостишія, тогда какъ

у него вездѣ принято за правило—въ каждомъ четверостишіи своя мысль, свое *самостоятельное предложеніе*, говоря грамматически.

Или, на примѣръ, такое мѣсто, какъ нижеприводимое, принадлежащее также началу разсказа:

„Разсказъ то будетъ, очень скромный,
О дальней участи того,
Кто былъ хотя и не бездомный
Скиталець, больше ничего.
Напротивъ, домъ имѣлъ Евгений,
Рабъ безпокойныхъ убѣжденій,—
Но дома не жилось ему
Уже давно, а почему?“

И перенесеніе существительнаго отъ своего прилагательнаго въ другой стихъ („бездомный скиталець“), и развитіе мысли о *домѣ*, по поводу эпитета „бездомный“, въ другомъ уже четверостишіи, и притомъ *послѣ точки*,—все это также выходитъ какъ будто не по пушкински, потому что не ловко, не кстати.

Или вотъ эти три стиха:

„Въ ней кослапаго ты Мишку
Скорѣ можешь обвинять,
Отъ коего перенялъ прыть!“

„Косолапо ты Мишук—опять таки не попушкински (неудачно разставлены слова); „отъ коего перенялъ прѣтъ“, придаточное предложеніе, отдѣлено отъ своего главнаго *цѣлыми тремя словами* („скорѣе можешь обвинить“), чего тоже никогда, сколько извѣстно, не дѣлалъ Пушкинъ.

Но вся вообще *внѣшность*—раздѣленіе стиховъ на строфы, а этихъ послѣднихъ на главы, и извѣстный порядокъ мужскихъ рѣимъ въ каждой строфѣ, принятый разъ навсегда въ „Евгеніи Онѣгинѣ“—все это повторяется и въ „Судьбѣ лучшаго человѣка“, и вездѣ строго соблюдается. Въ концѣ разсказа есть даже *биографическая черта*, а именно—намекъ на извѣстныя, крайне враждебныя, отношенія поэта къ шефу жандармовъ Бенкендорфу, которому онъ долженъ былъ *предъявлять* каждое новое свое произведеніе, прежде чѣмъ отдать его въ печать:

„Прости и ты меня, о Б.,
Что я не „предъявилъ“ тебѣ
Своихъ стиховъ вотъ этихъ новыхъ,

Быть можетъ въ скорости готовыхъ
Русь контрабандой облетѣтъ!“

Такимъ образомъ надо полагать, что
разсказъ новый не былъ предъявленъ
Бенкендорфу, а пошелъ гулять въ руко-
писяхъ по тогдашнему русскому читаю-
щему міру, и вотъ почему никто его, какъ
увѣрены мы, не видѣлъ въ печати. Это
весьма похоже на Пушкина: онъ никогда
не прочь былъ пустить что-нибудь свое
въ рукописномъ видѣ, лишь-бы избѣжать
иной разъ чрезвычайно стѣснительныхъ
тогдашнихъ цензурныхъ условій. Можно
даже думать, что поэтъ съ тѣмъ и писалъ
свое новое произведеніе, чтобы не отда-
вать его въ печать, а прямо—пустить въ
публику въ рукописномъ видѣ, въ такомъ
видѣ, въ какомъ оно легло на бумагу
изъ-подъ его пера. Весьма вѣроятно, что
по этой причинѣ онъ и не отдѣлывалъ его
особенно старательно, чѣмъ и могутъ быть
объяснены тѣ неловкости, на которыя мы
указали выше, и писалъ, не стѣняясь
никакими условіями и соображеніями. Со-

чиненіе этого разсказа не стоило ему, можно быть увѣреннымъ, и одной недѣли времени: въ послѣдній тяжелый годъ жизни (1836), выпали ему однажды тихіе мирные дни и любимый герой, Евгений Онегинъ, пришелъ ему на память... „Вотъ чѣмъ онъ могъ кончить“, рѣшилъ про себя поэтъ, присѣлъ къ столу и сталъ слагать столь привычныя ему рюмованныя строфы, не трудясь ихъ отдѣлывать тамъ, гдѣ онѣ выходили изъ-подъ пера шереховатыми, неровными... Такъ, по нашему мнѣнію, и явилась на свѣтъ „Судьба лучшаго человѣка“, неизвѣстная печатному міру, но извѣстная въ мірѣ безчисленныхъ рукописей, ибо кто-же можетъ съ *уверенностью* сказать, что нигдѣ болѣе въ глуши нашей провинціи она не существуетъ во множествѣ списковъ, теперь уже позабытыхъ, лежащихъ въ кучкахъ разныхъ ненужныхъ вещей?.. И кто знаетъ, сколько еще есть подобныхъ ей разныхъ другихъ рукописныхъ произведеній, принадлежа-

щихъ перу разныхъ нашихъ писателей, но не попавшихъ въ печать по неизвѣстнымъ причинамъ?..

Въ концѣ имѣющейся у насъ рукописи подписано: „Сочиненіе Александра Пушкина 1836 года“, а съ другой стороны: „Переписалъ П. Т.“ и названа деревня, принадлежавшая моей тетушкѣ. Подъ этими инициалами я узнаю одного сосѣдняго помѣщика, слышшаго въ свое время за большого любителя литературы; онъ, конечно по просьбѣ тетушки, или даже по собственному побужденію, и изготовилъ ей собственноручно экземпляръ „Судьбы лучшаго человѣка“.

Мы почти склонны думать, что ова, эта „Судьба“, писана самимъ Пушкинымъ, писана безъ претензій, небрежно пожалуй, а не какимъ-нибудь ловкимъ поддѣльвателемъ. Впрочемъ окончательный судъ— за читателями.

Л—з.

Ужель опять беру я въ руки
Перо, дабы изобразить
Всѣ тѣ надежды, думы, муки,
Все то, чѣмъ вынужденъ былъ жить
Пріятель давній мой, Евгений
Онѣгинъ, послѣ тревоженій:
Сразивъ пріятеля въ бою
И не насытивъ страсть свою?
Ужели тѣми-же строфами
И тѣмъ-же яббомъ стану я
Опять романъ слагать, друзья,
И тѣми-жъ пестрыми стихами?
Но нѣтъ, не будетъ то романъ,
И не введу я васъ въ обманъ.

* * *

Разсказъ то будетъ, очень скромный,
О дальней участи того,
Кто былъ, хотя и не бездомный,
Скиталець, больше ничего.
Напротивъ, домъ имѣлъ Евгений,
Рабъ безпокойныхъ убѣжденій,—

Но дома не жилось ему
Уже давно, а почему?
Вопросъ, ей-ей, весьма мудреный!
Хоть широка, положимъ, Русь,
А все-жъ отвѣтить не берусь,
Зачѣмъ, порою, людъ крещеный
Стремится въ чуждые края,—
Зачѣмъ туда стремлюсь и я...

Глава первая.

Объѣхавъ снова пол-Россіи,
Вернувшись снова въ Петроградъ,*)
Онѣгинъ чувствуетъ впервые,
Что онъ чему-то будто радъ:
И въ петербуржцахъ этихъ ярыхъ
Чуть не друзей онъ видитъ старыхъ,
И невскихъ береговъ гранить
Ему сердечно говорить...
Пройдетъ по улицѣ столичной—
Все улыбается ему;
Германецъ Шмитъ и галль Муму
Свой шлють привѣтъ ему привычный,
И даже грохотъ мостовой
Гласить „и я тебѣ родной!“

* * *

Да, родина—благое дѣло,
И счастливъ, кто въ нее влюбленъ,

*) Нашъ герой, отвергнутый княгиней, ѣздилъ опять странствовать по Россіи. Читатели да простятъ меня, что я извѣщаю ихъ объ этомъ не стихотворными строфами, а простою прозою: боюсь повторенія, такъ какъ Онѣгинъ посѣтилъ почти тѣ-же мѣста, въ коихъ былъ онъ и въ первомъ своемъ путешествіи, уже извѣстномъ (по рукописямъ) моимъ добрымъ читателямъ.

Кому она вселить умѣла
Любовь съ младенческихъ пеленъ!
Онѣгинъ мой, недавній странникъ,
Казалось, былъ такой избранникъ:
Онъ, странствуя, не замѣчалъ,
Что онъ по родинѣ скучалъ!
Теперь онъ ясно видитъ это
И восклицаетъ: „какъ я глупъ
Недавно былъ!“ И взбивши чубъ,
Онъ вновь летитъ въ объятя свѣта,
Отъ коего, лѣтъ пять назадъ,
Бѣжать былъ безъ оглядки радъ.

* * *

Его встрѣчаютъ тѣ-же дамы
И тѣ-жъ мушкетеры. Всѣ стройны—
По прежнему, какъ пальмы прямы,
И модой всѣ увлечены.
Его, буквально, закидали
Вопросами: Вы проѣзжали
Черезъ Калугу? Какова?
„А наша матушка Москва?“
„Скажите, не были-ль въ Сибири?
Вѣдь тамъ такая благодать,
Что стоитъ только заступъ взять:
Копнулъ—и золото! Нѣтъ въ мірѣ

Страны богаче! А Кавказъ? "
Черкесь не слышно тамъ проказъ? "

* * *

И вотъ недѣли три, Евгений
Вниманьемъ общимъ былъ почтенъ,
И рядъ солидныхъ разсуждений
Представилъ о Россіи онъ.
Ему охотно всё внимали,
И даже споры затѣвали
О томъ, о семъ, но нашъ герой
Стоялъ за родину горой.
Вы замѣчали-ль странность эту
Въ себѣ: положимъ, городъ М.
Намъ не понравился совсѣмъ;
Но мы о томъ не скажемъ свѣту,—
Не станемъ М. мы порицать,
Напротивъ—будемъ восхвалять...

* * *

Откуда это происходитъ?..
Сдается мнѣ, что отъ того,
Что нами гордость руководить,
Мѣняя наше естество
Наперекоръ всѣмъ мыслямъ здоровымъ,
Наперекоръ сужденьямъ правымъ,

Которыя лишь про себя
Таимъ мы, правды не любя.
Пусть знаетъ свѣтъ, что намъ встрѣчалось
Одно хорошее въ пути,
А не дурное, что найти
Легко вездѣ, что и случалось
Со всѣми тѣми, кто не мы,
Чьи меньше развиты умы!

* * *

Москва не правилась герою,
Но онъ, наперекоръ, хвалилъ
Старушку нашу и, не скрою,
Ей даже лести подпустилъ!
Ему не нравился и Нижній,
Но не одинъ эпитетъ лишній,
Хвалебный, въ рѣчи вставилъ онъ,
Его коммерціей плѣненъ!
Доволенъ не былъ онъ Кавказомъ,
Но не обидѣлъ и его —
И много-много кой-чего
Поразсказалъ о немъ! И фразамъ
Его блестящимъ всѣ, дивясь,
Твердили: „Вотъ знатокъ у насъ!“

* * *

И жалко, право, что Сибири
Не видѣлъ онъ, а то-бъ о ней

Сказаль, что это — чудо въ мірѣ
Восьмое, что нѣтъ равной ей!
Но я охотно извиняю
Прикрасы эти, ибо знаю,
Что эта слабость обща намъ,
Великой родины сынамъ:
Мы часто ею недовольны,
Все критикуемъ наповаль;
Но дастъ она намъ матерьялъ
Какой-нибудь, живой и вольный,
Блеснуть (безъ знанья и труда) —
Ее и хвалимъ мы тогда!

* * *

И такъ, недѣли три Евгений
Блисталь, а послѣ меркнуть сталъ:
Изсякъ источникъ разсужденій
И быть новинкой пересталъ.
И свѣтъ имъ меньше занимался,
И свѣтомъ онъ... Вопросъ рождался:
Что будетъ дальше, впереди?..
И не замедлил онъ придти
Къ отвѣту: будетъ дальше скука,
Давно знакомая ему
Отрава сердцу и уму...
И подѣломъ, впередъ наука:

Не онъ-ли самъ тогда бѣжалъ
Отъ этихъ раутовъ и заль,

* * *

Отъ этихъ дамъ и ихъ гостинныхъ,
Отъ кавалеровъ записныхъ,
Нарядныхъ, чопорныхъ и чинныхъ,
Военныхъ, статскихъ и иныхъ?..

И вотъ, полгода протянувши
До лѣта, и рукой махнувши
На все, къ себѣ уѣхалъ онъ,
Въ деревню, скукой отягчонъ.
Онъ жилъ тамъ мѣсяцъ и прилежно
Искалъ себѣ покушника

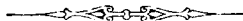
(Задача эта нелегка):

Непостоянства духъ мятежный
Ему давно совѣтъ ужъ далъ:
Все обративши въ капиталъ,

* * *

Уѣхать въ даль, въ края чужіе,
Но не въ Европу только, нѣтъ:
Въ Европѣ то-же, что въ Россіи,
Тамъ тотъ-же петербургскій свѣтъ.
Нѣтъ, онъ въ Америку уѣдетъ
(О чемъ давно, признаться, бредить),—
Черезъ Сибирь и океанъ,
Увидитъ много новыхъ странъ,

Оригинальныхъ непременно,
Потомъ, безъ паспорта, къ брегамъ
Морскимъ проникнетъ онъ, и тамъ,
Найдя корабль иноплеменный,
Умчится къ янки, въ міръ иной,
Несхожій съ русскою землей...

Глава вторая.

Осуществилися мечтанья,
И вотъ Онѣгинъ мой опять
Пустился въ дальнія скитанья
Съ похвальной цѣлью—не скучать.
Черезъ Москву и Нижній снова
Достигъ до края онъ иного:
То былъ угрюмый Пермскій край,
Преддверіе Сибири, рай
Златоискателямъ богатымъ,
А бѣднякамъ-рабочимъ—адъ
(Какъ тамъ, на мѣстѣ, говорятъ).
И наблюдателемъ завзятымъ
Желая быть, и отдохнуть,
Онъ прекратилъ на время путь.

* * *

Привлекъ къ себѣ его вниманье
Одинъ тамъ пріискъ золотой,
И родилося въ немъ желанье
Знакомства съ жизнью трудовой.
Вблизи отъ пріиска—селенье,
Въ которомъ даже есть *правленье*

Или *контора*, и кабаць,
Куда несеть свой грошь бѣднякъ.
Село раскинулось привольно
Надъ рѣчкой, чистой какъ кристалъ;
Кругомъ все горы: то—Ураль,
Въ которомъ золота довольно,
Чтобы всю Русь озолотить
(Такъ людѣ изволить говорить).

* * *

Но Русь не въ золотѣ,—въ сермягѣ,
И незнакомо ей оно;
Однимъ лишь тѣмъ, кто полнъ отваги
Озолотиться суждено...
Кто полнъ отваги—не военной;
А меркантильной современной,
И кто имѣеть капиталъ,
Тотъ въ руки золото и взялъ...
Дворцы столичныя, палаты
Откупщиковъ—плоды труда,
Которымъ бѣдныхъ навсегда
Закабалилъ торгашъ богатый:
„Ищи мнѣ золота за грошь,
Что въ мой кабаць потомъ снесешь“...
Такъ размышлялъ, подъ часъ, Евгенийъ
На трудъ рабочихъ глядя. Вотъ,
Еще лежать ночныя тѣни,

А людѣ работать ужъ идетъ!
Съ лопатой, киркой и съ ломами,
Идетъ знакомыми мѣстами,
Копаетъ, роетъ землю онъ,
Какъ-бы получить миллионъ!
Стоитъ въ какой-нибудь канавѣ
День цѣлый по поясъ въ водѣ,
И въ этомъ каторжномъ трудѣ
Еще помыслить о забавѣ:
Смѣшной расскажетъ анекдотъ,
Или-же пѣсенку споетъ!

* * *

Устраюсь, какъ возможно было,
Въ избѣ крестьянской, нашъ герой
Любилъ, какъ только не дождало,
Бродить по шахтамъ день-деньской.
Онъ слушалъ пѣсни и рассказы
Про стародавнія проказы,
Про то, какъ въ старину жилось,
Пока еще не развелось
Сребролюбиваго начальства;
И хоть не можетъ сей народъ
Безъ площадныхъ вести остротъ
Бесѣду и безъ зубоскальства
(Что неприятно намъ всегда),
Но это право не бѣда.

Глава третья.

Бродя по пріску, Евгений
Однажды даму повстрѣчалъ
Съ огромной связкою растений;
Мущина рядомъ съ ней шагаль.
Она глядѣла такъ пытливо
И улыбалась... что за диво!
Она была уже въ лѣтахъ,
Но все еще съ огнемъ въ глазахъ,
И одѣвалась небрежно,
Быть можетъ зная, что собой
Прельщать не можетъ полъ мужской:
Дурнушкой родилась!.. Прилежно
Онѣгинъ голову ломаль:
Гдѣ эту даму онъ видалъ?..

* * *

Дня черезъ три, опять Евгений
Все той-же дамой встрѣченъ былъ;
На этотъ разъ, букетъ растений,
Большущій, спутникъ ужъ тащилъ.
Она, приблизившись къ герою,
Съ улыбкой молвила: „Не скрою,

Вы возбудили интересъ
Во мнѣ: свалились вы съ небесъ,
Или не явь, а сонъ я вижу?..
Вѣдь вы Онѣгинъ? „Точно такъ.“
„Но вы сюда попали какъ?..
Достойно видѣть васъ Парижу,—
Вы тамъ на мѣстѣ,—а не намъ,
Провинціальнымъ дикарямъ!“

* * *

Онѣгинъ мой, въ отвѣтъ на это,
Безъ церемоній: „Кто же вы?
Я васъ встрѣчалъ въ гостинныхъ свѣта,
Но имена изъ головы
Ужасно скоро улетаютъ“...
„Меня въ столицахъ нашихъ знаютъ:
Я—Н... Служила я въ полку,
А нынче больше не могу,
И потому ужъ на покой“...
„Двѣица вы кавалеристъ?..
„Такъ точно“... „Вамъ похвальный листъ,
Конечно, выдали?“ „Какое!
Ни пансіона, ничего!“
„Обидно слышать! Каково!“

* * *

„Прошу ко мнѣ безъ церемоній!
Я уроженка здѣшнихъ мѣстъ.“

Пришлю лошадокъ... Что за кони!
Дивится имъ весь нашъ уѣздъ!"
„Не мудрено: кавалеристомъ
Не даромъ вы служили!“ „Въ Чистомъ
(Мою усадьбу такъ зовутъ)
Мой домъ. Васъ мигомъ довезуть"...
„А далеко-ли онъ отсюда?"
„Подать рукою: три версты.
Ну, Левъ, домой пора... Но ты
И не представленъ! *Левъ Простуда*,
Позвольте рекомендовать:
Сестры покойной мужъ, мнѣ зять..."

* * *

Простудѣ вѣжливо Евгений
Въ перчаткѣ руку протянулъ,
А тотъ, безъ дальнихъ разсуждений,
За руку такъ его тряхнулъ,
Что чуть не вывихнулъ! „Прямая
Простуда ты!“ домой шагая
И дря въ руку, повторялъ
Онѣгинъ: „Вотъ оригиналь!
Людей такъ можно-ль брать за руку?
Медвѣдь совсѣмъ, бакенбардистъ!..
Такъ вотъ она, *кавалеристъ-
Дюшица*!.. Да! Предвижу скуку

Отъ этого знакомства, но...
Чѣмъ чортъ не шутить! Рѣшено :

* * *

Пришлетъ „лошадокъ“ — и поѣду,
Увижу, какъ она живетъ,
И честь отдамъ ея обѣду...
Боюсь лишь: будетъ тамъ народъ!
Еще ухаживать за мною,
Пожалуй, станеть!.. Я не скрою:
Приволокнуться былъ-бы радъ;
Но тутъ, во первыхъ, этотъ братъ,
Иль то бишь зять (хоть незамужней
Она слыветъ), а во вторыхъ,
Замѣтилъ я, сообща отъ нихъ —
Несетъ рѣшительно конюшной!
Вотще съ собой цвѣтовъ букетъ
Она таскаетъ: пользы нѣтъ!

* * *

Но въ третьихъ, что всего важнѣе,
Лицомъ бѣдняга, страхъ дурна!
Не знаю, кто-бы могъ за нею
Ухаживать! Кому-бъ она
Къ себѣ любовь внушить могла-бы!
Лицо вульгарно: сельской бабы
Непривлекательный портретъ!
Ни мысли въ немъ, ни чувства нѣтъ!

А что за голосъ, за манеры!
Мушкетера въ юбку, чортъ возьми!
И быть привыкла съ лошадьми!
Нѣтъ, я иной держуся вѣры:
Все можно женщинѣ простить,—
Лишь *безобразья* не сносить!

* * *

На завтра смотреть онъ—и что же?—
За нимъ примчался фэтонъ,
А въ фэтонѣ томъ, о Боже!
Сидитъ Простуда! Точно, онъ!
Съ игривой легкостью медвѣдя
Онъ—прыгъ къ крыльцу, но не замѣтя,
Что въ двери притолка низка,
Лбомъ треснулся и стонъ слегка
Въ сѣняхъ Онѣгина раздался..
Онѣгинъ выскочилъ къ нему,
Наговорилъ сочувствій тьму
И очень, очень извинялся..
Потомъ повель его къ себѣ
И усадилъ въ своей избѣ.

* * *

„Сестрица Н. меня послала
Просить къ себѣ васъ на обѣдъ“.
„Мегсі, поѣдемъ! Но сначала
Позвольте, милый мой сосѣдъ,

Вась угостить хотя сигарой,
Рекомендую—очень старой“...
„Чувствительно благодарю,
Но я, признаться, не курю!“
„Не курите? Какая жалость!
Такъ вотъ намъ кофе подадутъ“...
„Мнѣ совѣстно... Напрасный трудъ!
Пожалуй, выкушаю малость!“
„И превосходно! Эй! Абрамъ!
Давай скорѣе кофе намъ!

* * *

А передъ кофе, можетъ, водки?
Не такъ-ли?“ „Гмъ, не откажусь“...
„И балыка, или селедки?“
„Мнѣ совѣстно... Стѣснить боюсь“!..
„Да полно! Что тутъ за стѣсненье!“
Абрамъ приносить угощенье,
Простуда пьетъ и ѣсть за двухъ,
Онѣгинъ мыслить: „милый другъ!
Вознаграждай себя за шишку,
Что дверь дала тебѣ моя,
Въ чемъ не повиненъ, впрочемъ, я!
Въ ней косолапаго ты Мишку
Скорѣе можешь обвинить,
Отъ коего перенялъ прыть!“

* * *

Пустились въ путь, Что за „лошадки“!
Какъ, въ самомъ дѣлѣ, хороши!
То были жирныя двѣ вятки,
Пожалуй, первыя въ глуши:
Пожалуй, имъ уѣздъ дивится!
„Ай да кавалеристъ-дѣвица!
Вы въ лошадяхъ, видать, знатокъ!“
Примчались. Славный уголокъ:
На возвышеньи—домъ просторный,
Весь крытый тесомъ, комнатъ въ семь;
Цвѣтникъ и садъ при немъ; затѣмъ,
За садомъ—прудь, прозваньемъ—*Чорный*.
Кругомъ все горы да лѣса,
Да голубыя небеса.

* * *

Онѣгинъ встрѣченъ былъ хозяйкой
И съ ней какимъ-то старичкомъ,
Въ тулупчикѣ, покрытомъ байкой,
Въ очкахъ и съ жидкимъ хохолкомъ.
„Ага! Приѣхали! Спасибо!
У насъ къ обѣду будетъ рыба:
Она начало и конецъ
Обѣдовъ нашихъ! Мой отецъ,
Рекомендую вамъ! Онъ славный,
Добропорядочный старикъ;
Терпѣть не можетъ только книгъ
И слышать очень неисправно“.

Отвѣсивъ батюшкѣ поклонъ,
Садится возлѣ дочки онъ.

* * *

„Такъ есть еще у ней родитель?“
Онѣгинъ мыслить: „Вотъ не ждалъ!“
Но мой читатель, не хотите-ль,
Чтобъ я объ *этомъ* перестала
Разсказывать? Ей-ей, не стойте!
Все это скуку лишь удвоить,
Которой, чувствую, грѣшу,
Какъ про обѣды я пишу!
Притомъ въ визитѣ этомъ чинномъ
Черты не вижу ни одной
Оригинальной и живой,
Какъ и въ обѣдѣ этомъ длинномъ,—
А за обѣденнымъ столомъ
Сидѣли только вчетверомъ.

* * *

Онѣгинъ, стало быть, напрасно
Боялся сборища,—его
Тамъ не нашелъ онъ, и прекрасно!
Въ гостяхъ онъ былъ одинъ всего.
За то-жъ ему и скучно было;
И лишь одинъ папаша милый
Увеселялъ его собой—
Своей почтенной глухотой:

Начнетъ-ли дочка о „лошадкахъ“,—
Отець о рыбѣ рѣчь ведетъ;
О рыбѣ-ль дочка рѣчь начнетъ,—
Папаша—о военныхъ схваткахъ...
„Все невпопадъ, и такъ всегда!“
Хозяйка молвить: „Съ нимъ бѣда!“

* * *

Но хоть не кладь знакомство это,
А для героя моего
Въ такой глуши, вдали отъ свѣта,
Оно, ей-Богу, ничего!
Онѣгинъ въ этомъ самъ сознался.
Съ дѣвицей Н. онъ обращался
Безцеремонно, и она,
Чтобъ отплатить, была должна
Съ нимъ точно также обходиться.
Ужъ съ первой встрѣчи, разговоръ
Ихъ колокъ былъ,—и съ тѣхъ-же поръ
Онѣгинъ мой и Н., *двоица-*
Кавалеристъ, слегка, порой,
Пикировались межъ собой...

* * *

За что, про что,—совсѣмъ не трудно
Вамъ, мой читатель, объяснить:
Н. находила, что безпутно
Пріятель мой изволить жить:

Зачѣмъ шатается безъ дѣла?..
Въ отвѣтъ на это, онъ ей смѣло
Твердилъ, что женщина-солдаты—
Смѣшна, глупа, и что наврядъ
Конюшня—женское занятъе...
Что есть у женщины кому,
Согласно здравому уму,
Солдатомъ быть: отцы и братья,
Мужья, конечно, сыновья..
(Согласенъ въ этомъ съ нимъ и я).

* * *

„А все-жъ безъ дѣла не живу я“,
Сказала разъ ему она:
„Лечу народъ отъ почечуя,
Отъ ревматизма, отъ вина:
Видали—*травы собираю*,
И скуки никакой не знаю;
А вы—всегдашній данникъ ей!“
(Онъ соглашался въ этомъ съ ней).
„Хоть наконецъ-бы вамъ жениться“...
„Отъ скуки, что-ли? Вотъ совѣтъ!
А вы замужняя?“ „Я? Нѣтъ!“
„Такъ вотъ-бы *вамъ* соединиться
Союзомъ брачнымъ съ кѣмъ-нибудь,
Чтобъ показать мнѣ въ этомъ путь“!..

* * *

„Жениться, мнѣ?! Ужъ не на васъ-ли?“

„А почему-бы не на мнѣ?..“

„Въ васъ чувства женскія погасли!

На васъ-бы даже и во снѣ

Я не женился-бы, ей-богу!

Солдатской службой, крайне строгой,

Солдатскимъ грубымъ правомъ, вы—

Убили женщину, увы!

Конечно, вы оригинально

Умѣли жизнь свою сложить;

Съумѣли весело прожить

Свою вы юность; но печально

Влачите зрѣлые года...

А что вамъ старость дать?.. Куда

* * *

Съ тоской дѣваться—отъ сознанья,

Что промахъ сдѣлали вы, ставъ

Не тѣмъ, въ чемъ женское призванье

И исковеркавъ женскій нравъ!“

„Я не коверкала нисколько,

Вы ошибаетесь: я только

Влеченью права отдалась.

Во мнѣ отъ дѣтства родилась

Большая склонность быть солдатомъ:

Носиться вихремъ на конѣ,

Бороться, драться—было мнѣ

Всегда пріятно; съ старшимъ братомъ

Большіе были мы друзья:
Онъ обучилъ всему меня.

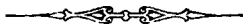
* * *

„Какой же сдѣлала я промахъ,
Отдавшись склонностямъ своимъ?
Что не мечтала объ альбомахъ
Да объ нарядахъ?... Страсти къ нимъ
Я не питала,—такъ неужто
Ошибка, *промахъ* тутъ? Вотъ чужь-то!
По вашему выходить,— я
Должна была довать себя,
Навязывать себѣ насильно
Все то, что было не по мнѣ,
Причемъ страдала-бы вдвойнѣ?...
Нѣтъ, ошибаетесь вы сильно:
Довольна жизнію я своей!
На что мнѣ *женственность*? Богъ съ ней!“

* * *

Они разстались очень сухо.
Потомъ, черезъ двѣнадцать дней,
Въ обычномъ настроеньи духа,
Онъ объявилъ, увидясь съ ней:
„Прощайте—завтра уѣзжаю“...
„Куда?“—„Въ Сибирь“. „Зачѣмъ?“ „Не знаю.
Влечетъ, и только. Просто—*такъ*“.
„Неисправимый вы чудакъ!“

Онѣгинъ промолчалъ. „Ну, что-же?
Простимся какъ мы? Какъ друзья?“
„Ужели вамъ врагомъ быть я?“...
„Ну такъ храни отъ зла васъ, Боже!
Прощайте, другъ-идеалистъ“,
„Прощайте, другъ-кавалеристъ!“

Глава четвертая.

На славной тройкѣ, въ тарантасѣ,
Переваливъ черезъ Ураль,
Съ полсотней тысячъ денегъ въ кассѣ,
Онѣгинъ дальше поскакаль.
„Такъ вотъ ты, *Азія*, какая!“
Онъ восклицаль, обозрѣвая
Лѣса и горы, даль и ширь:
„Такъ вотъ ты, дикая Сибирь!
Однако глазъ не замѣчаетъ
Въ природѣ разницы.. А вотъ,
Быть можетъ, разницу народъ
Собою здѣшній представляетъ?...
Увидимъ послѣ! А пока—
Поразспрошу-ка ямщика..

* * *

„Ямщикъ, послушай! Ты откуда?“
„Я, баринъ?“ „Да“. „Оханскій я.“
„А что у васъ въ Оханскѣ, худо?“
„Ничто! Тамъ родина моя!“
„А ты Сибирь довольно знаешь?
Давно по ней ты разѣзжаешь?“

„Лѣтъ пять“. „Каковъ-же здѣсь народъ?“
„Народъ? Прокхость и абармоть!
А впрочемъ всякіе бываютъ...
Есть и хорошіе.“ „Воровъ
Таки довольно?“ „Какъ грибовъ
Послѣ дождя!“ „И убиваютъ?“
„Кого?“—„Провѣзжихъ?“—„Ужъ давно
Про это не слыхать... Но-но!

* * *

Ямщикъ присвиснулъ. Поскакали
Лихіе кони. Цѣлый день
Столбы и станціи мелькали.
Вотъ, наконецъ, и ночи тѣнь
На землю тихо опустилась.
Рѣшить герою приходилось:
Заночевать-ли гдѣ-нибудь,
Иль продолжать и ночью путь?
Подумавъ о вещахъ извѣстныхъ:
О духотѣ да о клопахъ
(Къ которымъ чувствовалъ онъ страхъ),
На мириады звѣздъ небесныхъ,
На лѣсъ дремучій поглядѣлъ—
И ѣхать далѣе велѣлъ.

* * *

„Ужъ, право, лучше въ экипажѣ
Поспать“, онъ мыслить, „чѣмъ въ избѣ,—

Въ объятяхъ копоты и сажи,
Въ углу на скверномъ канапе!
О Русь! Когда ты будешь чище?
Когда въ твоей вседневной пищѣ
Не будетъ таракановъ, мухъ,
И вывѣтришь свой давній духъ?..“
И съ этимъ словомъ растянулся
Онъ въ тарантасъ, но уснуть
Не могъ, однако-же, ничуть;
Зажегъ сигару, затянулся
Пахучимъ дымомъ, снова сѣлъ
И въ тьму задумчиво глядѣль...

* * *

Два существа различныхъ были
Предметомъ думъ его въ тотъ часъ...
О Таня юности, не ты-ли?..
О Н.! Не вспомнилъ ли онъ васъ?
И та, конечно, и другая
(Своимъ контрастомъ съ *той* пугая),
Тогда на умъ пришли ему:
„Н. никогда я не пойму?
Что за натура человѣка,
Который съ ней вступилъ бы въ бракъ?..
Онъ круглый долженъ быть дуракъ,
Или совсѣмъ уродъ, калѣка!

Во всякомъ случаѣ его —
Ждетъ горе, больше ничего!

* * *

„Отъ нѣжныхъ, милыхъ чертъ Татьяны
Какой неожиданный переходъ
Къ чертамъ воинственной Діаны!
Какой нелѣпый анекдотъ!
И такъ какъ пермская Діана
Лицемъ—не нѣжная Татьяна,
А просто на просто дурна —
Совсѣмъ исторія смѣшна!
Судьба, ей-ей, съ меня смѣется!
Но человѣкъ я не великъ,—
Пускай себѣ!.. А что, ямщикъ,
Скажи-ка, много-ль остается
Еще до станціи?“ „Версть семь.“
„Отлично! И закончимъ тѣмъ!“

* * *

Темно и глухо. Тройка мчится,
И колокольчикъ подъ дугой
Звенѣтъ еще усерднѣй тичится,
Проясь, конечно, на покой...
Читатель! Знаете-ль вы жуткость
Ночного звона?.. Ночи чуткость,
Ея торжественная тишь,
Имъ оскорбляются, и лишь

Бродячій людъ, неугомонный,
Ее дерзаетъ нарушать...
Въ *тосу*-же, надо вамъ сказать,
Въ часы *ночные*, рѣзкость звона
Еще бываетъ жутче! Да!
А ну, какъ выпадетъ *бѣда*?

* * *

Ужъ если въ *ночь* сказать вамъ нужно,
Да *тсомъ*, да въ *странн мухой*,
Ужъ если очень недосужно
Терять вамъ время на покой
(Что было-бъ лучше, всякій скажетъ),
По крайней мѣрѣ пусть подвѣжетъ
У колокольчика языкъ
Вашъ флегматическій ямщикъ...
Онѣгинъ, бѣдный мой пріятель,
Не позаботился о томъ;
Другому-же кому о немъ
Была забота, да и кстати-ль?
Заботья каждый о себѣ,
Пекись о собственной судьбѣ!

* * *

И вотъ, когда они скакали
По перелѣску съ ямщикомъ,
Вдругъ грянулъ выстрѣлъ... Кони стали...
У тарантаса, за кустомъ,

Фигура рослая торчала;
Другая лошадей держала...
„А ты, ямщикъ, не шевелись,
Коль мы за дѣло принялись:
Нишкни, любезный!..“ И спокойно
Полѣзли воры въ экипажъ...
Несчастный тамъ Онѣгинъ нашъ
Кончался смертью недостойной:
Близъ сердца пораженный въ грудь,
Успѣлъ два раза онъ вздохнуть—

* * *

И взоръ затѣмъ смежилъ на вѣки...
И вотъ какъ небрежетъ судьба;
Порой, о лучшемъ человѣкѣ!
Страстей презрѣнныхъ два раба,
Герои, коихъ участь— петля,
Ограбивъ все, потомъ, не медля,
На парѣ скрылись лошадей...
И лишь ямщикъ, Петровъ Андрей,
На третью сѣвъ, кой-какъ домчался
До ближней станціи... „Бѣда!
Въ погоню, братцы, въ лѣсъ, туда!“
Но онъ напрасно надрывался:
Кому охота, въ ночь, скакать,
Воровъ, убійцъ въ лѣсу искать?..

* * *

Такъ вотъ конецъ твой, другъ Евгеній!
Мой бѣдный, какъ тебя мнѣ жаль!
И всѣ, кто былъ твоихъ сужденій,
Раздѣлять съ авторомъ печаль!
И ты, какъ Ленскій, жертва пули;
Но о концѣ твоємъ могу-ли
Сказать, что онъ *такой-же* былъ?
Нѣтъ, *соръ* *ночной* тебя убилъ?
Тотъ былъ сраженъ въ бою открытомъ,
А ты, увы, изъ-за куста!
Пусть скажутъ—жизнь твоя пуста;
Но я о другъ, позабытомъ
Тщеславнымъ свѣтомъ, буду вѣкъ
Твердить: былъ *лучшій* человѣкъ!

ЭПИЛОГЪ.

Вблизи отъ станціи почтовой,
Въ деревнѣ на кладбищѣ, онъ,
Онѣгинъ мой, былъ погребенъ.
Могила свѣжая, крестъ новый,
Деревни жителей влекутъ;
Но кто-же похороненъ тутъ?
Какъ имя, отчество, прозванье?...
Напрасны были-бъ розысканья:

Никто незнаеть! Лишь твердятъ:
„Проѣзжій былъ, и былъ богатъ...
Везъ денегъ много—и убили!“
Поклонимся-жъ его могилѣ!
Прости, погибшій другъ и братъ,
Братъ по душѣ, по общей силѣ,
Одушевлявшей насъ съ тобой!
Прости, погибшій мой герой!

* * *

И вы, читатели, простите!
Боюсь я: можетъ быть, меня
За мой рассказъ вы побраните,
Что *такъ* его закончилъ я?...
Въ твореньяхъ важныхъ, что прочли мы,
Герои всё неуязвимы:
Они не могутъ умереть,
Ихъ тамъ сама боится смерть.
Ни ядъ, ни пули, ни кинжалы
Не отправляютъ ихъ къ отцамъ;
Ужъ развѣ что захочетъ самъ
Герой (какой-нибудь удалый)
Ко лбу приставить пистолеть,
Чтобъ бранный нашъ оставить свѣтъ...
Герой-же мой—какихъ есть много,
А потому погибъ и онъ,
Какъ гибнетъ смертныхъ миллионъ—
По волю случая слупого.

И такъ не сѣтуйте на то,
Что человѣкъ есть нуль, ничто!

* * *

Прости и ты меня, о Б.,
Что я не „предъявилъ“ тебѣ
Своихъ стиховъ вотъ этихъ новыхъ,
Быть можетъ, въ скорости готовыхъ
Русь контрабандой облетѣть!
Ты посуди: куда же дѣтъ
Мнѣ надлежало вдохновенье,
Вдругъ посѣтившее меня,
Конечно—волей Провидѣнья,
Къ которому, какъ знаю я,
Питаешь ты благоговѣнье?...
Прости, что не спросяся васъ,
Моихъ цѣнителей присяжныхъ,
Опекуновъ и нянекъ важныхъ,
Я сочинилъ сей мой рассказъ!

